

Лит. газ. - 1994. - 14 сент. - с. 4.

ПЕЧАЛЬНЫЙ СЮЖЕТ

“Справочный аппарат” Льва Наврозова

Своим возвращением в Россию Александр Исаевич Солженицын в буквальном смысле накормил многих наших публицистов. Обсуждают: “Зачем приехал?”. Упрекают: “Не вовремя” и т.д. Но, оказывается, уже давно есть на свете чуть ли не штатный “солженицыновед”, который... уже не первый год разоблачает нобелевского лауреата. Это наш бывший соотечественник, ныне американский критик и публицист Лев Наврозов.

Последнее по времени выступление Наврозова напечатано у нас в газете “Россия” (10–16 августа 1994 г.). Критик дает обзор собственных высказываний о Солженицыне. По Наврозову, автор известных романов, повестей, рассказов и знаменитого “Архипелага ГУЛАГ” — посредственный литератор, никудышный историк, конъюнктурный политик.

Не решусь повторить и малой доли того, что “предъявил” Солженицыну “знаток” его творчества. Наврозов пишет: “Я помню, когда “Один день Ивана Денисовича” ходил еще только в рукописи... Я

похвалил (курсив мой. — А.Р.), сказал, что наконец-то наша советская литература достигла уровня Боборыкина. Все хохотали”. Отдадим должное тогдашним собеседникам нашего критика: они знали толк в литературе. Но этот смех не озадачил Наврозова. Он смеется там, где другие плачут. Даже “Архипелаг” не вызвал в нем уважения к писателю. Оказывается, это сочинение вторичное, поскольку-де еще в 36-м на Западе был известен труд Солоневича “Россия в концлагере”.

Наврозов берет в союзники некоторых зарубежных критиков, как и он сам, выражающих полное неприятие классика современной литературы. Но главное в его статье под заголовком “Человек тоталитарного склада” — самоцитирование. Понятно, название относится к Солженицыну. Он, Наврозов, давно видел скудность, невыразительность и прочее едва ли не всего, что создано самим писателем — от “Одного дня” до “Красного колеса”. Слова “сокрушительная неудача” — не самые крепкие из приводимых в этой статье. О “сокрушительных удачах”, при-

несших Солженицыну мировую известность, Наврозов не упоминает. Как он “похвалил” “Один день”, мы уже видели. Об “Августе Четырнадцатого” неприятно говорится, что в нем отсутствует “справочный аппарат”, словно речь идет вовсе не о романе...

Думаю, не время еще подводить торопливые, подсказанные политическим моментом итоги жизни и трудов Александра Исаевича, тем более ставить ему оценки за каждое сочинение, каждый поступок. Но значение Солженицына — борца с тоталитарным обществом — очевидно. Оно не только литературное. Для миллионов советских людей чтение “Одного дня” было началом прощания с “советскостью”. “Матренин двор” стал для нас возвращением русской прозы, неотягощенной языковым новаторством эпохи. Потом пошел “самиздатовский” Солженицын (“Раковый корпус”, “В круге первом”), а чуть позже, как солнечный удар, — “Архипелаг ГУЛАГ”.

Я читал его (увы, не труд Солоневича) в 75-м, в квартире на Аэропортовской, у моего старшего друга публициста

Владимира Яковлевича Канторовича, проводшего в лагерях 17 лет. “Архипелаг” потрясал даже тех, кто на собственном опыте знал и про 37-й, и про 49-й. Солженицын шел против системы, писал не за “бугром”, а здесь, в любую минуту его труд и его жизнь могли быть оборваны. Мы ведь теперь знаем тайны габэшных зонтиков, при посредстве одного из которых был убит в Лондоне болгарский писатель Марков. А Наврозов этого не знает? У критика какая-то абберрация зрения, мешающая видеть очевидное: если бы Солженицын ничего, кроме “ГУЛАГа”, не написал, он уже обеспечил бы себе место в истории XX века.

Но еще есть “Один день”, “Матренин двор” и многое другое. С Солженицыным можно не соглашаться, не любить его. С ним можно спорить. Но он — громадное явление, которое, конечно же, не перечеркнут ни сердитые статьи, ни грубые реплики.

Александр РУБАШКИН

· САНКТ-ПЕТЕРБУРГ